

Кто говорит за Волка?

Все хорошие вещи являются дикими и свободными.

Генри Торо

В двадцатом столетии множество вдумчивых авторов, включая жену фермера Мэри Остин и лесника Олдо Леопольда, английского романиста и поэта Д.Х. Лоуренса придирчиво исследовали толстый ворох проблем XVII столетия. Джон Мюир, в большей степени, чем любой другой, положил начало движению охраны природы, от него исходил подспудный скептицизм, подводное течение в главном потоке охраны природы.

Но все попытки найти путь назад к скалистому Плимутскому берегу, чтобы обнаружить сквозь туман времени заросшую развилку тропы, которую мы пропустили много поколений назад, должны были дожидаться появления природоохранного движения и движения «Назад к земле» 1960-ых годов. В северных предгорьях Сьерра-Невады в Калифорнии осел поэт Гари Снайдер и пустил корни, которые, как он надеялся, будут сохраняться тысячу лет. В 1981 году разработчик идей Стюарт Бранд попросил Питера Берга и Стефани Миллз произвести гостевое редактирование специального выпуска его ежеквартального биорегионального журнала «Ко-эволюция» — имя, данное этой совокупности американского опыта второго шанса.

К 1984 году биорегиональные группы возникли по всему континенту как сказочные грибы после теплого дождя, и в Озаркс был созван первый Всеамериканский биорегиональный конгресс.

Одна из ключевых концепций биорегионализма состоит в том, что современные политические границы не имеют никакого отношения к природным экологическим областям. Биорегионалисты утверждают, что человеческое общество, а, следовательно, политика и экономика, должно быть основано на природных экосистемах. Они находят родственные черты с индейскими племенами, баскскими, уэльскими и курдскими сепаратистами, и не испытывают никакой симпатии к современному этническому государству, империи, или многонациональной корпорации.

Питер Берг и Раймонд Дасманн в книге 1978 года «Заселение заново отдельной страны»¹, наметили курс биорегионализма. «Жить на своей земле, — говорят они, — означает удовлетворять те потребности и получать те удовольствия от жизни, которые позволяет именно это уникальное конкретное место и искать способы обеспечить долговременное проживание на этой территории. Общество, которое практикует жизнь на своей земле, поддерживает равновесие через связи между человеческими жизнями, другими живыми существами и процессами планеты — временами года, погодой, водными циклами, — которые предоставлены самим местом. Оно — полная противоположность общества, которое обеспечивает свое существование посредством краткосрочной разрушительной

эксплуатации земли и жизни.

1 Сан-Франциско: Фонд «Барабан Планеты», 1978 год.

Далее они пишут: «Заселение земли заново означает научиться жить на своей земле в области, которая была разрушена и повреждена в результате эксплуатации в прошлом. Это означает сродниться с ней через осознание специфических экологических отношений, которые действуют внутри и вокруг нее».

Таким образом, биорегионализм кровно заинтересован в концепции проживания на своей земле, далеко отстоящей от пригородов, городов и ферм нашего континента. Заселение заново связано с умением приспособить себя к месту, а не место к себе; это значит стать частью уже существующего сообщества — природного сообщества зверей и птиц, рыб и растений, рек и гор, равнин и морей. Это означает стать частью пищевой цепи, водного цикла, окружающей среды именно этой природной среды, вместо навязывания ей сконцентрированного на человеке, технологического порядка. На Северном Тихоокеанском побережье это означает присоединиться к сообществу Лосося, Ели Дугласа, больших рек и дождя; в Южной Аризоне — к сообществу Сагуаро, Джавелины, пересыхающих русел и летних гроз; в Северных Скалистых горах — к сообществу Гризли, Лося, Корабельной сосны и долгой зимы.

Для Америки биорегионализм означает получить второй шанс в Новом Свете, другую возможность встретить этот духовный вызов.

Несмотря на то, что в пределах биорегионального движения существует много течений, я надеюсь, что большинство из тех, кто считает себя его частью, пришли бы к согласию бы по следующим моментам:

Мы стремимся к новому определению «сообщества». Мы отвергаем священность прогресса и технологии; и поворачиваемся к искусству и бытию. Мы признаем, что являемся частью природной экосистемы, в которой живем. Мы ищем новые (старые) пути, ведущие от иерархии к племенной организации. Мы танцуем, а не маршируем. Мы ниспровергаем доминирующую парадигму, а не реформируем ее; мы ниспровергаем ее, создавая свой собственный мир и избегая конфронтации — используя мощь машины против нее самой, применяя в политике принципы восточных боевых искусств. Таким образом биорегиональное движение выходит за пределы того, что, к сожалению, стало узкими границами движения защиты окружающей среды. Защита окружающей среды стала прогрессивным, но лояльным придворным доминирующего индустриального порядка. Ее мировоззрение исповедует полдюжины миллиардов людей, этнических государств, частных автомобилей и людей в деловых костюмах на каждом континенте.

Нет никакой надежды на реформу индустриальной империи. Современное общество представляет собой гоночный автомобиль без водителя и тормозов, едущий со скоростью девяносто миль в час вниз по тупиковой улице с кирпичной стеной в конце. Биорегионализм это то, что находится по другую сторону этой стены.

Конечно, даже сторонникам «возвращения к земле» в контркультуре, передовым постлиберальным мыслителям и радикальным защитникам природы нелегко подвергнуть сомнению весь европейский опыт на этом континенте. В то же время как мы стремимся стать продуктом этой земли — Черепашьего Острова, как индейцы называли Северную Америку, — мы являемся продуктом почти четырех столетий английской колонизации и восьми тысячелетий западной цивилизации.

Трудно стоять на западном краю Атлантики, спиной к Европе, и понимать, что здесь можно найти что-то новое, чистое, невинное и правильное. Трудно перестать быть англичанином и стать американцем. Тем более, что наши представления о Новой Земле являются слабыми, потерянными в дыму и тумане истории и мифов воспоминаниями, что единственная Северная Америка, которую мы знаем хорошо, — это Америка, переделанная по европейской мерке. Этот факт, вместе с привлекательной легкой жизнью этой нео-Европы, соблазняют нас с ухабистой тропы в болотах и Белых Сосновых рощах.

Не удивительно, что биорегиональное движение, кажется, увязло в грязи и чащобах этой тропы, что трудности возвращают нас обратно к легкому, уже пройденному пути. Я различаю три общих области, где биорегионализм отступает к широкой магистрали американской истории или в тупики бесполезности: одержимость подходящей технологией; абсолютная вера в местный контроль и акцент на человеческих существах. Подходящая маломасштабная технология и простой, мягкий, дружественный Земле образ жизни представляют собой существенные аспекты биорегионализма. Развивая их, биорегионализм не только ставит перед движением защиты окружающей среды трудную задачу, практиковать то, что оно проповедует, но и предлагает нашему глобальному деловому обществу жизнеспособную, более здоровую альтернативу. И все же слишком часто увязает в своих биотуалетах, органических садах, велосипедах, ручных ремеслах, повторных батареях, солнечных коллекторах, ветрогенераторах, системах бартера, древесных печах... Эти средства устойчивого образа жизни действительно важны, но биорегионализм — больше чем техника; это восстановление священности и самозащита. Подходящая технология — средство для достижения цели, но не цель сама по себе. Целью является заселение заново¹.

¹Кристоф Мейнз, автор «Зеленой ярости» и Джон Дэвис, редактор журнала «Земля прежде всего!», утверждают, что ни одна технология не является подходящей, что технология по своей сути отличается от инструментов и ремесел. Их точку зрения не должны отбрасывать как простую семантику; она затрагивает суть вопроса о человеческой манипуляции нашей окружающей средой.

В прославлении местного контроля, биорегионализм может закончить ниспровержением самого себя, чтобы соответствовать видению «природного мира как супермаркета» неотесанным пролетариатом сельских районов Северной Америки. В то время как местный контроль за землей хорош в теории и как долгосрочная цель (после того, как мы верно оценим эту землю и согласимся приспособиться к ней), давайте не забывать о том, что в большинстве западных штатов было бы немного охраняемых диких или других природных областей, если бы это оставили на усмотрение политических деятелей или сельских жителей этих штатов.

Как бывший лоббист охраны природы, я могу часами возмущаться некомпетентностью и глупостью членов Конгресса, недостатком их интереса к природе, и тем, что их контролируют индустриальные корпорации. Но Конгресс — светоч экологического просвещения по сравнению с большинством законодательных собраний штатов или того хуже, сельской комиссией графства. У нас не было бы 100 миллионов акров Национальных Парков, Заповедников, Памятников, Убежищ для диких животных, Областей дикой природы и Диких рек на Аляске, если бы этот вопрос был оставлен на усмотрение населения и политических деятелей Аляски. Недавние Национальные законопроекты по Лесным областям дикой природы для штатов Юта, Вайоминг, Нью-Мексико, Аризона и других не прошли бы, если бы они не опирались на общенациональную точку зрения и общественность. Какими бы посредственными они ни были, эти законопроекты спасли какую-то часть дикой природы. Можете держать пари, что в Восточных Штатах, Калифорнии, Орегоне, Вашингтоне и Колорадо именно городские жители, а не местное сельское население превалировали в заповедании.

В безмятежный период моей жизни в маленьком городке в Национальном Лесу Джила в Нью-Мексико я наблюдал как сторонники движения «Назад к земле» приезжали на места с мечтами об областях дикой природы и готовностью политическими действиями защитить дикую природу, но, по мере роста потребности в долларовых купюрах и социальном признании среди добрых старых мальчиков и девочек графства, часть этих господ натуралов стало жалкими жлобами, обвешанными бензопилами, капканами, фургонами и нытьем по поводу того, как федеральное правительство ограничивает их «право» развивать «их» природные ресурсы за доллары в банке.

Преимущества местного контроля общественных земель по сравнению с национальным можно обсуждать бесконечно, но биорегионалистов должно больше заботить то, чтобы не позволять идеалистической цели местного контроля и самодостаточности уничтожить более высокую цель сохранения дикого природного разнообразия.

Для того, чтобы биорегионализм работал, чтобы он представлял ясную альтернативу создания мира на развалинах индустриального государства, необходимо заниматься более глубокими вопросами, чем альтернативная технология и неиерархическое человеческое общество — более важными вопросами, чем люди. Биорегионалист должен сопротивляться бранным просьбам слева и справа и господствующей тенденции больше беспокоиться о проблемах социально-экономических, чем экологических. Философия, мировоззрение и религия биорегионализма должна быть биоцентрической. Чтобы повторно заселить место, сформировать сообщество вместе с теми, кто там живет, и получить второй шанс в Америке, мы должны сопротивляться искушению присвоить себе руководящую роль. Другие существа — четвероногие, крылатые, шестиногие, укорененные, текущие — имеют столько же прав быть на этом месте, что и мы; они имеют ценность, полностью независимую от любой ценности, которую они имеют для людей.

Конечно, человек тоже должен зарабатывать себе на жизнь. Потребности в пище, воде, укрытии и другие должны быть удовлетворены. Защитники глубинной экологии не отрицают, что люди имеют право удовлетворять жизненные потребности с помощью экосистемы. Проблемы возникают, когда люди выходят за пределы своих жизненных

потребностей или когда они превышают свои полномочия. Пол и Энн Ерлич указывают, что воздействие людей на природное сообщество определяется совокупностью народонаселения, технологии и достатка. Увеличьте любой из этих факторов, и воздействие будет увеличено. «Практическое применение биоцентрической философии будет центральной задачей биорегионализма на следующую тысячу лет».

В наиболее классической форме, биоцентризм может проявляться первопоселенцами таким же образом, каким индейцы онейда сохранили ощущение своего места в природном мире. Согласно преданиям Онейда¹, численность их племени когда-то так сильно возросла, что часть из них была вынуждена отправиться на поиски нового места для жизни. Они нашли замечательное место и переселились туда. Однако, после обнаружили, что «выбрали Центральное Место великого сообщества Волка». Но люди не пожелали уходить. Через некоторое время они пришли к выводу, что места и для них, и для Волка не хватает. Тогда совет постановил, что они истребят всех волков до единого. Но когда они представили, кем они станут впоследствии, «то не захотели становиться такими людьми».

1 Паула Андервуд Спенсер, «Кто говорит за волка» (Остин: Издательство Tribe of Two Press, 1983 г.).

Так люди изобрели способ ограничить свое воздействие: во всех случаях, они спрашивали «кто говорит за Волка?» и, таким образом, учитывали интересы негуманоидного мира.

В наших советах и решениях, как индивидуальных, так и коллективных, мы не должны забывать, тех, кто не представлен. Мы должны представлять их сами. Кто говорит за Волка? Касатку? Красного Хохлатого Дятла? Дуб? Мы должны постоянно расширять сообщество, чтобы включить всех.

Далее, мы должны показывать сдержанность и применять самозащиту. В каждом биорегионе должны быть обширные области, не используемые человеком, оставленные нетронутыми, чтобы продолжить важную работу эволюции.

Основным шедевром каждой биорегиональной группы должен стать большой центральный заповедник дикой природы, где сохраняются все местные существа и естественное течение событий. Необходимо учреждать и охранять во всем биорегионе большие и малые заповедники дикой природы и организовывать природные коридоры, чтобы сделать возможным свободное перемещение генетического материала между ними и такими же заповедниками в других биорегионах. Они должны охранять не только «камень и лед» высоких, отдаленных гор, но и часть менее суровой, биологически более производительной земли в каждом биорегионе. Их разработка и учреждение должна стать ключевой частью биорегиональной деятельности. Во многих случаях, будет необходимо временное переходное управление, чтобы помочь природе восстановить до дикого состояния большие области. Должны быть возвращены, если это возможно, истребленные коренные животные. Чтобы восстановить лососевые реки и зоны сплошной вырубki, снова засеять прерии, устранить дороги необходимо практически заселение заново.

Эти центральные заповедники дикой природы должны быть святынями для нас как людей, заселяющих заново, но они даже более чем священны для нас, будучи просто тем, чем они есть — запасами туземного разнообразия. Местом вне добра и зла, местом, где живое существо может просто жить.

Хотя работа над такими заповедниками является центральной задачей биорегионализма, можно смело утверждать, что учреждение большого числа таких заповедников в современном человеческом обществе маловероятно, и что это реально только по другую сторону стены. Однако, они должны стать центром, который объединит все наши усилия, начиная с этого дня.

И именно так воинствующие общества, такие как «Земля прежде всего!» входят в биорегиональный мир. Заселяя землю заново, живя на ней, мы становимся этой землей. Мы принадлежим ей. И самая основная наша обязанность — это обязанность самозащиты. Мы являемся дикой природой, защищающей саму себя. Развивая свои «планы использования земли» с основными заповедниками дикой природы и соединяющими их коридорами, чтобы нести зародышевую плазму дикости, мы набрасываем план кампании нашей самозащиты. Мы разрабатываем план управления нашим регионом. Затем мы начинаем осуществлять его. Если умирающая индустриальная империя пытается посягнуть на наши священные заповедники, мы сопротивляемся этому. В большинстве случаев мы не сможем открыто противостоять ей, потому что она сейчас гораздо мощнее, чем мы. Но используя партизанскую смекалку, мы можем использовать ее силу против нее самой. Тормозите, сопротивляйтесь, ниспровергайте, используя все доступные инструменты: подачу апелляций и судебных исков, применение законодательных шагов — не для того, чтобы реформировать систему, но для того чтобы разрушить ее. Участвуйте в демонстрациях, в ненасильственном гражданском неповиновении, саботируйте. Защищайтесь.

Наша самозащита — это контроль за ущербом, пока машина не пробьет эту кирпичную стену и индустриальная цивилизация не саморазрушится, как она и должна.

Тогда начнется главная работа биорегионализма.

Версия #2

Зверобой создал 19 апреля 2025 01:20:17

Зверобой обновил 19 апреля 2025 01:23:01